

А.В. Сафронов

**МЯТЕЖНЫЙ ГЕРОЙ В ПОИСКАХ ЛЮБВИ И СВОБОДЫ:
ОБРАЗ ОЛЕГА КОСТОГЛОТОВА В ПОВЕСТИ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»¹**

В повести «Раковый корпус», одном из важнейших произведений рязанского периода, А.И. Солженицын создает автобиографический образ Олега Костоглотова, опираясь на факты и события своей жизни, на литературную традицию, используя евангельскую символику. Это герой неоднозначный, сформированный реалиями советской эпохи, войной, лагерной жизнью. Он приобрел черты «правильного эка», но способен к нравственному возрождению, к духовному восстанию против тоталитарной системы. В Костоглотове мы отмечаем черты великих мифологических образов мировой литературы: Фауста, Гамлета, Дон Жуана и Дон Кихота. Солженицын рисует экзистенциальное одиночество героя, которое объясняется тем, что его родные погибли в войну, судьба изломана лагерем и ссылкой, он смертельно болен. Только среди тех, кто несправедливо пострадал, Костоглотов ощущает себя частью чего-то большего, цельного, объединяющего. Важнейшим структурным элементом повести являются финальные главы, полифонически и символически рисующие Костоглотова, мучительно ожидающего наступление новой жизни.

Солженицын, «Раковый корпус», рязанский период, литературная традиция, мифологические образы, полифонизм, экзистенциальное одиночество.

Замысел повести «Раковый корпус» возник у А.И. Солженицына еще в 1955 году, после выписки из ташкентской больницы. Возвращается он к нему 3 февраля 1963 года в Рязани. «Александр Исаевич вдруг почувствовал непреодолимое желание написать рассказ из своего “онкологического прошлого”. Вечером, когда мы кружили на лыжах по скверу, он был уже в своем “раковом корпусе”», – пишет Н.А. Решетовская². Происходит это в невозможный для всей предыдущей жизни Солженицына момент, когда он находится на вершине славы, признания и удачи. «Взошла моя звезда! – были его первые слова» после того, как 18 ноября 1962 года вышел «Новый мир» с рассказом «Один день Ивана Денисовича»³. «Жизнь рязанского учителя круто меняется: секретарь Рязанского отделения Союза писателей В.С. Матушкин вместе с Б.А. Можаяевым уговаривают его вступить в ряды уважаемой и могущественной организации, он приглашен на встречу с руководителями партии и государства в Дом приемов на Ленинских горах, в “Правде” напечатан отрывок из “Случая на станции Кочетовка”, обсуждается возможность постановки в “Современнике” пьесы “Олень и шалашовка”, новый, 1963 год, он встречает с коллективом популярнейшего в стране театра, а за два дня до этого – принят в члены Союза писателей...»⁴.

Став профессиональным писателем, Солженицын мало бывает в Рязани. Он путешествует по районам Рязанской области, ездит в Москву и Ленинград, пользуясь открывшимися возможностями: встречами с новыми людьми, возможностью работать в крупных библиотеках, где собирает материалы для «Архипелага ГУЛАГ».

Самым притягательным местом для А.И. Солженицына в Рязанском крае была Солотча, которую он посетил в первое же рязанское лето 1957 года и «влюбился в Солотчу без оговорок». Краеведами подсчитано, что писатель провел тут более 300 дней. Здесь он живет в самом дальнем двухкомнатном номере «монастырского» дома, в годы советской власти преобразованном в гостиницу. Позднее именно в Солотче, в доме Агафьи Фоломкиной Солженицын создал

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Рязанской области. Проект РФФИ 18-412-620002р_а «Рязанский период жизни и творчества А.И. Солженицына (1957–1969)»

² Решетовская Н.А. Отлучение: Из жизни Александра Солженицына: Воспоминания жены. М. : Мир книги, 1994. С. 120.

³ Решетовская Н.А. Отлучение: Из жизни Александра Солженицына: Воспоминания жены. С. 74.

⁴ Там же. С. 83.

несколько редакций романа «В круге первом» и начал «Архипелаг ГУЛАГ». Здесь же написан и «Раковый корпус».

Работу над повестью об «онкологическом прошлом» писатель начинает с оптимизмом: окончательно определилась стезя, по которой ему суждено идти, «Один день Ивана Денисовича» признан читателями, властями (с оговорками) и критикой (также с оговорками), выдвинут на Ленинскую премию, Твардовский и «Новый мир» относятся к бывшему ээку и бывшему учителю благожелательно, казалось, что публиковаться в дальнейшем – не проблема, за исключением, разумеется, «Архипелага ГУЛАГ», работа над которым временно приостановлена.

Герои «Ракового корпуса» – обитатели мужского отделения онкологической клиники, ожидающие смерти, в экзистенциальной ситуации решают сложные бытийные вопросы, главный из которых – «чем люди живы?» Способность выжить в борьбе за жизнь, способность остаться свободным человеком А.И. Солженицын напрямую ставит в зависимость от способности любить как любовью «небесной», духовной, так и любовью плотской, «земной». Убедительны наблюдения А. Урманова о том, что «в размышлениях о любви солженицынских героев речь идет о преодолении смерти. Кроме того, это и порыв духа к первоначальному идеалу, к сохранившемуся в прапамяти человека ощущению утраченного блаженства»⁵. Тему победы жизни и любви над смертью Солженицын, отталкиваясь в первую очередь от философских взглядов Л. Толстого, рассматривает, тем не менее, «по-достоевски», давая высказаться самым разным героям, не занимая при этом позицию нравственного ригориста.

Автобиографический герой повести Олег Костоглотов – бунтарь (по мнению Р. Темпеста, «...быть может, самый мятежный герой русской литературы... Он не желает находиться в подчинении, будь то у советской власти, блатных в тюрьме или даже лечащих его врачей»⁶).

Эту свою черту Костоглотов раскрывает в беседе с Верой Гангарт: «Видите, Вера Корнильевна, за приверженность демократии я больше всего в жизни пострадал. Я пытался насаждать демократию в армии – то есть много рассуждал. За это меня в 39-м не послали в училище, оставили рядовым. А в 40-м уже доехал до училища, так сдержал начальству там, и оттуда отчислили»⁷. Причина ареста Костоглотова – безобидный разговор на студенческой вечеринке о Сталине, «о Самом». «Нас, понимаете ли, кое-что не устраивало. Мы, так сказать, не были в восторге. Двое из нас воевали и как-то ожидали после войны кое-чего другого. В мае перед экзаменами – всех нас загребли, и девчонок тоже»⁸. Этот эпизод – яркое проявление мятежного характера героя, в дальнейшем он также ведет себя и в лагере, и во время «вечной ссылки» в крошечном Уш-Тереке.

Бунтующий герой оттепельной эпохи (такова литературная традиция) обязан проявить себя в романтической борьбе как за собственную жизнь и здоровье, так и, разумеется, в духовном мятеже против сталинской системы, заклеянной XX съездом КПСС и лично Н.С. Хрущёвым. Пафос Солженицына, наследника русского критического реализма, подразумевал и финальную победу главного героя, бросающего вызов существующей власти в целом и в частности: от способов лечения рака до мерзостей ГУЛАГА, краха семейной морали и самой господствующей идеологии.

Автобиографическая составляющая образа главного героя достаточно велика: студент, фронтовик, лагерник, ссыльный, пациент ракового корпуса. Схож и портрет. Л.А. Посадская анализирует, как воспринимают Костоглотова герои «Ракового корпуса». Первым это сделал его антагонист Русанов: «Не обрадуешься такому соседству: морда у него была бандитская. Так он выглядел, наверно, от шрама (начинался шрам близ угла рта и переходил по низу левой щеки почти на шею); а может быть от непричесанных дыблывых черных волос, торчавших и вверх и вбок; а может вообще от грубого жесткого выражения»⁹. «Огloed угрюмыми глазами смотрел на книгу и объявил беззастенчиво громко на всю комнату»¹⁰. «У Оглоеда хоть была серизна в лице, но двигался он свободно, говорил развязно»¹¹. По-иному воспринимает его влюбленная Зоя: «Стоял Костоглотов – неукладистый, с недочесанной угольной головой, большие руки не влезали

⁵ Урманов А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003). М. : Русский путь, 2005. С. 382.

⁶ Темпест Р. Американский Солженицын // Первое сентября. Литература. 2008. № 22. 16/30 нояб.

⁷ Солженицын А.И. Раковый корпус. М. : Астрель, 2011. С. 440.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 20.

в боковые маленькие карманчики больничной куртки»¹². На авторский же взгляд герой выглядит так: «Костоглотов собрал черные брови». «Он только себя не видел, как во всех направлениях были закручены угловатые вихры на его собственной голове, отлежанные так на подушке, а из-под куртки, незастегнутой до шеи, с больничной простотой высовывался уголок казенной бязевой сорочки»¹³. На протяжении всего текста будут повторяться эти непричесанные вихры, которые подчеркивают неухоженность героя, его «отвычку» от зеркала, утрату привычки следить за собой, полное равнодушие к собственной внешности (позади у него война, лагерь и поселение), но не потому, мне кажется, что человек опустил: этого нельзя сказать о Костоглотове, а потому, вероятно, что многое прошел и имеет свои ценности и приоритеты¹⁴.

В последней главе автор ставит Костоглотову перед зеркалом в универмаге, этот прием позволяет углубить и подытожить представление о его внешности и внутреннем самоанализе, он может здесь откровенно сказать самому себе горькие вещи: «Ничего уже военного, как он себя числил, в нем не осталось. Только отдаленно была похожа эта шинель на шинель и эти самые сапоги на сапоги. К тому же и плечи давно ссутуленные, и фигура, неспособная держаться ровно. А без шапки и без пояса он был не солдат, а скорее арестант беглый или деревенский парень, приехавший в город купить и продать. Но для того нужна хоть лихость, а Костоглотов выглядел замученным, зачуханным, запущенным. Лучше б он себя не видел. ...Еще с этим мешком ужасным за спиной, скорее с сумой нищенской, ему, если стать на улице и руку протянуть – будут бросать копейки». Этот портрет главного героя самый подробный, самый трагичный и критичный, потому что Олег видит себя после многих лет испытаний. Именно этот портрет определит окончательное решение Костоглотову не оставаться с Вегой, подчеркнет всю степень трагедии, приведшей к чудовищным изменениям в человеке»¹⁵.

А.И. Солженицын, как и в других автобиографических образах (Игнатич, Нержин, Лаженицын), как бы отдаляет от себя героя: Костоглотову не 36 лет, а 34 года, он не математик, а геодезист, не офицер, а сержант, не учитель, а землеустроитель и т.д. Нельзя не отметить, что присущее как самому Солженицыну, так и его литературным «двойникам» еще с детских лет творческое начало в «Раковом корпусе» отдается автором другим героям. Это Дёмка, мальчик со слишком уж взрослым лицом, тяжелым взглядом, старательный, вдумчивый, много и бестолково читающий, мечтающий поступить в институт, чтобы «создавать литературу», потому что «правду любит», а «общественная жизнь очень разжигает». Это и Вадим Зацырко, утверждающий: «...в моей жизни весь смысл – только в движении, пешком и на коне... не тот живет больше, кто живет дольше. Для меня весь вопрос сейчас – что я успею сделать. Надо же что-то успеть на земле!.. Чем люди живы? – А я как раз знаю. Творчеством! И очень помогает. Ни пить, ни есть не надо. ...А по-нашему: работайте больше! И не в свой карман. Вот и все»¹⁶. В какой-то степени писательский талант, преподнесенный в ироническом ключе, – одна из черт Авиетты-Аллы Русановой, журналистки и поэтессы, однако доминирующие черты ее личности – практичность, холодный ум и целеустремленность – противоречат архетипическому представлению о поэтах и вообще о творческих людях как о людях романтических, эмоциональных, слегка «не от мира сего».

Несмотря на то, что Солженицын пытается таким образом «отстраниться» от героя, Олег Костоглотов, безусловно, симпатичен самому автору и должен понравиться читателю, предстать перед ним как положительный герой, «светлая личность», носитель критического и даже бунтарского начал. Действительно, он умеет сохранить достоинство в экстремальных ситуациях, твердо держится неких нравственных ценностей, работает над собой и, в результате, имеет неповторимое лицо. Проявлением жизненной силы Олега является оптимизм. Человек, лишь недавно сменивший лагерь на вечное поселение, он дает оценку простым житейским радостям: «Что не покажется после лагеря – шуткой? Что не покажется отдыхом?» Начав выздоравливать, Олег жадно впитывает в себя радости земного бытия: с аппетитом съедает скудный больничный завтрак, прогуливается по парку, заигрывает с молодой медсестрой.

Такое восприятие жизни выработалось у Олега после общения с супругами Кадминными, обретшими в лагерной жизни «запредельный» опыт и взаимную любовь, ставшую идеалом, ориентиром для Костоглотову. В то же время нельзя не заметить экзистенциальное одиночество

¹² Там же. С. 33.

¹³ Там же. С. 34.

¹⁴ Посадская Л.А. Поэтика портрета в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына. С. 476. URL : <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/18198/posadskaja.pdf>

¹⁵ Посадская Л.А. Поэтика портрета в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына.

¹⁶ Солженицын А.И. Раковий корпус. С. 160, 183–184.

героя, которое объясняется не только тем, что его родные погибли в войну, жизнь изломана лагерем, но и тем, что лагерный закон «не верь, не бойся, не проси», иными словами – «не верь в лучшее, не обольщайся никакими надеждами, не высказывай вслух то, что на самом деле думаешь», подчиняет все его действия.

Костоготов трезво относится к своей болезни, не намерен спасаться от смерти любой ценой: «...я не хотел бы платить большую цену сейчас за надежду пожить когда-нибудь»¹⁷. Человек, думающий и обаятельный, в палате он распространяет вокруг себя поле притяжения и отталкивания, именно он – инициатор важнейшей для автора дискуссии о том, «чем люди живы». Отметим, однако, что он практически не обращает внимания на такого заметного героя, как оптимист, жизнелюбец и «свободный человек» Чалый. В отличие от этого персонажа, несущего в себе черты – положительные и отрицательные – героя плутовских романов, Костоготов бесстрашен перед лицом возможной смерти не потому, что ему нечего терять, но потому, что бунтарство стало для него привычным душевным состоянием, вопреки всему выработанным в годы заключения. Он осознанно говорит, что думает, и делает то, что ему кажется правильным. Но, с другой стороны, его надежда на выздоровление с помощью «волшебного гриба» и «секретного средства» есть вера не в науку, а в магию.

«Инстинкт восставать» на какое-то время поддерживает Костоготова, не дает сдаться, упасть духом, возвращает силы. Выйдя из больницы, он по-детски воспринимает окружающий мир: «Он вдохнул – это был молодой воздух, еще ничем не всколыхнутый, не замутненный! Он взглянул – это был молодой зеленеющий мир! Он поднял голову выше – небо раздвигалось розовым от вставшего где-то солнца...»¹⁸. Это было утро творения! Мир сотворялся снова для одного того, чтобы вернуться Олегу: иди! Живи!..¹⁹ Никто из прохожих не радовался Олегу, а он – всем им был рад! Он рад был вернуться к ним! И ко всему, что было на улицах! Ничто не могло показаться ему неинтересным, дурным или безобразным в его новосотворенном мире!»²⁰.

Ранее нами отмечалось, что это настроение героя перекликается с тематически близким эпизодом в «Архипелаге ГУЛАГ»²¹: покинувший лагерь автобиографический герой так же непосредственно радуется новой жизни: «Я буду здесь дышать! Я буду здесь передвигаться!.. Преподавать! – снова почувствовать себя человеком! Стремительно войти в класс и огненно обежать ребячьи лица! Не могу спать! Хожу, хожу, хожу под луной. Поют ишаки! Поют верблюды! И все поет во мне: Свободен! Свободен!.. Лошади жуют сено... Жуйте, беззлые, жуйте, лошадки»²².

Рисуя любовные метания Костоготова в заключительной главе, Солженицын использует прием удвоения: герой получает два женских приглашения остаться ночевать²³, дарит не понадобившиеся букетики фиалок двум девочкам-узбечкам²⁴, в трамвае две студентки заставляют его вспомнить о своем либидо²⁵, перед отъездом на вокзале он пишет прощальные письма и «пчелке» Зоеньке, и «милой» Веге²⁶. Еще раньше, представляя свое возвращение в Уш-Терек, он вспоминает двух кандидаток на роль супруги: «Жениться можно на Ксане. Что за хозяйка!.. и дом будет на славу, и дети будут виться. А можно – на Инне Штрём. Немного страшно, что ей только восемнадцать лет. Но ведь это и тянет! Еще у нее улыбка какая-то рассеянно-дерзкая, задумчиво вызывающая»²⁷. Первая, безусловно, повторяет деловитую, практичную, земную Зою, вторая – романтическую, небесную Вегу.

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 431.

¹⁹ Там же. С. 432.

²⁰ Там же. С. 440.

²¹ Сафронов А.В. «Путь» как жанр и «путь» как судьба (Александр Солженицын и герои «лагерной» прозы) // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (16–17 декабря 2013 г.) / РГУ имени С.А. Есенина. Рязань : Изд-во «Концепция», 2014. С. 201–208.

²² Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. М., 1990. Т. 3, ч. V, VI, VII. С. 418–419.

²³ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 422.

²⁴ Там же. С. 460.

²⁵ Там же. С. 466.

²⁶ Там же. С. 472–473.

²⁷ Там же. С. 252.

В кармане Костоглотова две бумажки с адресами Зои и Веги, пригласившими его пожить у них, но, как и у Веги, естественным выходом из непростой ситуации для него становится отказ, жертва своим во имя чужого.

П. Лавренёв считает, что «образ времени в творчестве А. Солженицына играет значительную роль»²⁸. Разграничивая героев повести по отношению ко времени, он отмечает: «В повести “Раковый корпус” время меняется и имеет разные формы выражения. К одним, как, например, к Русанову, Шулубину, Вадиму Зацырко, Чалому, Ахмаджану, Ефрему Поддуеву, оно распорядительно и безжалостно. Временит с Сибгатовым, Донцовой, Мурсалимовым, Егенбердиевым, Дёмой. Внимательно к Костоглотову. Добродетельно к Веге»²⁹. Исследователь высказывает мысль о «мифопоэтичности» сознания художника, герои которого обитают в особом микромире – своеобразной модели вселенной. Исходя из этого, можно увидеть в Олеге Костоглотове черты великих мифологических образов мировой литературы: Фауста, Гамлета, Дон Жуана и Дон Кихота.

Подобно Фаусту, Костоглотов готов продать душу некоему целителю, нашедшему «волшебный гриб» чага, исцеляющий от смертельной болезни, он надеется на «секретное лекарство» – иссык-кульский корень. Как Гамлет, он находится в постоянном борении с самим собой и с миром, пытается решать вечные вопросы бытия, с горечью произносит приговор своей стране, точнее – господствующему режиму. От «севильского оболъстителя» у него повышенное внимание к прекрасному полу: в больнице – Вега, Зоя, а еще две девицы, Ксана и Инна Штрём, кандидатки в жены – в Уш-Тереке. Не только внешность роднит Костоглотова с Рыцарем печального образа, но и повышенная чувствительность к злу и готовность (пусть и в ограниченном пространстве больничной палаты) отстаивать добро, а «небесная» Вега и «земная» Зоя напоминают дуэт «Дульсинья – Альдонса» из романа Сервантеса.

Целая группа персонажей повести, помимо главного героя, так или иначе связана с миром Архипелага: Кадмины, санитарка Елизавета Анатольевна, спецпереселенцы – старшая сестра Мита, больные Федерату и Сибгатов. Хирург Лев Леонидович работал врачом в лагере, Ахмаджан служил вертухаем, Поддуев работал десятником на лагерной стройке, Русанов способствовал расширению лагерных потоков. Примечательно, что только среди них, среди тех, кто несправедливо пострадал, Костоглотов ощущает себя частью чего-то большего, цельного, объединяющего, лишь эти люди симпатичны ему: Кадмины, Елизавета Анатольевна, Лев Леонидович, да и искренне ненавидит он лишь Русанова и Ахмаджана. Лагерная жизнь сильно повлияла на главного героя, как и на автора, и сам Костоглотов признается Зое: «Это я в лагере изнахратился, Зоенька. Я таким не был. Вообще у меня много черт не моих, а приобретенных в лагере»³⁰.

Библейски названные главы 35 и 36 – «Первый день творения» и «И последний день» – повествуют, как выходит из клиники обновленный Костоглотов, ощущающий наступление новой жизни и мечтающий о том, что она не будет похожей на старую.

Первый раз в жизни герой увидел цветущий урюк, попробовал настоящий шашлык, и вся прожитая жизнь не могла сравниться с этим чудесным днем! Ему приятно даже дребезжание трамвая, ехать в трамвае был вид жизни, вид свободы. «Озеленились и деревья вдоль тротуаров, но лишь настолько, чтобы не скрыть собою домов одноэтажных, прочно каменных, неспешливо построенных неспешливыми людьми. Олег посматривал с завистью: и живут же какие-то счастливицы в этих домах! Шли удивительные кварталы: широченные тротуары, широченные бульвары. Ну да какой город не понравится, если смотреть его розовым ранним утром!»³¹.

Во время прогулки по городу Костоглотов делает открытия: вот фототелеграф, о котором недавно писали в фантастических книгах, теперь реальность, вот центральный универмаг, где на полках лежат ранее недоступные фотоаппараты, мужские плащи, дамские кофточки, дорогие шелковые рубашки, глубокие тарелки, облегченный паровой утюг.

Однако все это дико для Олега, он не понимает, зачем лично ему такая сложная, изощренная жизнь? После того, как герой увидел себя в зеркале, оборванного, в старой одежде и сапогах, как нищий, его уверенность в своих силах, готовность к бунту пропадают, он понимает, что совершенно не может влиться в эту жизнь, он слишком много пропустил, он здесь чужой,

²⁸ Лавренёв П. Образ времени в творчестве А.И. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003): писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына : альм. М. : Русский путь, 2005. С. 195.

²⁹ Там же. С. 197.

³⁰ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 216.

³¹ Там же. С. 432–433.

теперь даже милый Уш-Терек не кажется таким манящим, теперь только хочется вернуться к Веге. «Но это было запретнее, чем нельзя»³².

В данных эпизодах заключительной главы мерилом человека выступает пространство. Характерной чертой произведений А.И. Солженицына является то, что на фоне природы им изображаются только положительные герои, их антагонисты – вне природы, ибо не умеют заметить и принять ее красоту. Знаком особого авторского расположения становится выведение героев в ярком световом сопровождении, а показателем наивысшего сближения с природой, со всем окружающим миром выступает фигура человека с запрокинутой к небу головой: «Он взглянул – это был молодой зеленеющий мир! Он поднял голову выше – небо развевалось розовым от вставшего где-то солнца. Он поднял голову еще выше – веретена перистых облаков кропотливой, многовековой выделки были вытянуты через все небо – лишь на несколько минут, пока расплывутся, лишь для немногих, запрокинувших головы, может быть – для одного Олега Костоглотова во всем городе»³³.

Многие исследователи указывали на важность в структуре повести эпизода посещения Костоглотовым зоопарка. Дмитрий Быков, например, утверждает: «Вероятно, лучшие страницы русской прозы шестидесятых годов XX века – финал “Ракового корпуса”, где Олег Костоглотов посещает зоопарк. Давно он не был в зоопарке – сначала воевал, потом сидел, потом лечился и вот, чудом спасшись, решает все-таки посетить полузабытый рай детства, ташкентский зоологический сад. Но и там ему видится все сквозь темное стекло лагерного опыта – звери в камерах, с людским страданием в глазах... все напоминает ему лишь о бесконечном страдании и бесконечном же терпении – вот дикобраз “ведет ночной образ жизни”, напоминая Костоглотову о ночных допросах; вот белка бегает в колесе, вот полярная сова, которая “плохо переносит неволю – а все равно сажают! да и какое ж отродье хорошо ее переносит?!” Надпись же на клетке барсука воспринимается героем через призму собственного жизненного опыта: “Барсук живет в глубоких и сложных норах... Вот это по-нашему! Молодец, барсук, а что остается? И морда у него матрасно-полосатая, чистый каторжник”.

И один выход видится Костоглотову – застыть на скале, как винторогий козел, всей позой, неподвижностью, грозно задранной головой презирая и неволю, и зрителей, и искусственную эту скалу. Но тут натывается он на единственный человеческий взгляд – взгляд серны; и понимает, что не все потеряно, и идет к Веге»³⁴.

Свидание с Вегой, как и с Зоей, не состоялось. Обе центральные героини в какой-то степени соблазнены и обмануты Костоглотовым: у каждой была некоторая надежда, когда они приглашали его к себе пожить после выписки из больницы. С точки зрения Р. Темпеста, этот поступок может восприниматься как проявление «стихийного ницшеанства»³⁵ героя, не желающего себя ничем связывать и презирающего женщин, однако это противоречит имманентно присущим Костоглотову христианско-гуманистическим чертам. Оправданием отказа становятся для героя и болезнь, и положение ссыльного, и нежелание вносить еще больший разлад в надломленную судьбу Веры, и одновременное «лермонтовское» («Я ищу свободы и покоя») стремление и к свободе, и к покою в некоем замкнутом пространстве. «Вот так и жить, как Кадмины живут, – радоваться тому, что есть! Тот и мудрец, кто доволен немногим... Другие не дожили, а он дожил. И вот от рака не умер. Вот и ссылка уже колется, как яичная скорлупа. Он вспомнил совет коменданта жениться. Все будут скоро советовать»³⁶.

Эпизод посещения зоопарка становится переходным к финалу, в котором пространство поэтапно сжимается вокруг героя: большой город, здание вокзала, вагон, верхняя полка. Попутно Костоглотов – совсем по-евангельски – излечивает «бесноватого кривляку, полуцвета», пытающегося влезть в вагон без очереди, излечивает «словом», намеком, высказанным на «фене» на то, что и он принадлежит к тому же миру, но располагается выше в лагерной иерархии.

После этого герой на законных основаниях занимает «небоковую багажную полку, еще почти свободную... Полку он освоил быстро: вещмешок пока сунул в головы, вытащив из него уют; шинель снял, расстелил, и гимнастерку сбросил – тут, наверху, все можно было. И лег остывать»³⁷. Аллюзия на гробницу близ Голгофы, где был погребен Христос (замкнутое пространство с возможностью выхода из него), напрашивается сама собой, особенно в соседстве с исцелением бесноватого, но так ли все очевидно?

³² Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 460.

³³ Там же. С. 431.

³⁴ Быков Д.Л. Наследник по прямой // Огонек. 2008. № 33 (5059). 17 авг.

³⁵ Темпест Р. Американский Солженицын.

³⁶ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 476.

³⁷ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 475.

У одного из читателей «Ракового корпуса» этот финал породил вопрос, заданный в Интернете: «Как вы думаете, умер ли Костоглотов в “Раковом корпусе”? Повесть так странно заканчивается, что непонятно. То ли он умер на этой верхней полке в поезде, то ли просто сильно отчаялся после всего случившегося, и ему было жаль покидать те места, где он лечился, общался с людьми?»³⁸. На наш взгляд, «небоковая багажная полка» может восприниматься и как та же барсучья нора, куда прячется бывший эк. Обратим внимание на то, что окружает Олега в этот момент: жизнь, в которой он не видит для себя места, идет по каким-то своим первобытным законам, люди озабочены тем, чтобы вырастить, отвезти, продать, купить, выжить. Один из пассажиров, соседей Олега по купе, «хромой, общительный», говорит, что раньше ветфельдшером был, а вот теперь торговлей занялся:

« – И чего ж бросил? – удивились.

– Да что ты! – чем за каждую овечку на скамью садиться, отчего подохла, я лучше буду инвалид, да овощи свезу! – громко разъяснял хромой»³⁹. Этот приземленный, прагматичный персонаж воспринимается как двойник Чалого, не в меньшей степени, чем Русанов, антагонист главного героя. Ответную реплику «женщины в синем жакете»: «Это при Берии за овощи, за фрукты ловили. А сейчас только за промтовары ловят», автор, не исключено, вставил в текст «для цензуры», чтобы убедить рецензентов и редакторов в своей приверженности решениям XX съезда и духу оттепели. В евангельской парадигме это – отступление дьявольских сил, смерть царя Ирода, возможность начала новой жизни.

Костоглотов в этот момент словно пытается убедить себя в том, что жизнь налаживается, что впереди – что-то светлое, хорошее: «И Олег вытянулся во всю длину. Хорошо! С поджатыми ногами очень плохо двое суток ехать в арестантском вагоне. Девятнадцати человекам в таком купе очень плохо ехать. Двадцати трем еще хуже.

Другие не дожили. А он дожил. И вот от рака не умер. Вот и ссылка уже колется как яичная скорлупа.

Он вспомнил совет коменданта жениться. Все будут скоро советовать.

Хорошо лежать. Хорошо»⁴⁰.

Возможен ли в этой ситуации какой-либо мятеж? Сомнительно: здесь, на верхней полке, в той же эковской барсучьей норе, реального будущего для героя не существует, автор оставляет ему лишь воспоминания: «Только когда дрогнул и тронулся поезд – там, где сердце, или там, где душа – где-то в главном месте груди, его схватило – и потянуло к оставляемому. И он перекрутился, навалился ничком на шинель, ткнулся лицом зажмуренным в угловатый мешок с буханками.

Поезд шел – и сапоги Костоглотова, как мертвые, побалтывались над проходом носками вниз»⁴¹.

Но, как указывает Е.С. Тихомирова, «идея творчества Солженицына в целом, на мой взгляд, – христианская идея свободной личности. Какое бы произведение вы не взяли, в центре размышлений героя постоянно находится триада “жизнь – смерть – воскресенье”, а в основе сюжета – евангельская драма духовного выбора и крестной жертвы»⁴². Учитывая склонность А.И. Солженицына к полифоническому, многовариантному построению текста (еще раз вспомним прием удвоения, сопровождающий его в заключительной главе и напоминающий скорее раздвоение), в сопоставлении страданий, метаний и размышлений Олега Костоглотова с евангельским текстом кроется и надежда на предстоящее воскресение мятежного героя.

³⁸ Donna Martin Просветленный. Как вы думаете, умер ли Костоглотов в «Раковом корпусе» (А.И. Солженицын)? URL : <https://otvet.mail.ru> › Искусство и Культура › Литература.

³⁹ Солженицын А.И. Раковый корпус. С. 476.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Тихомирова Е.С. Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 3. С. 170–171.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Аркатова, А.Е. Чудо духовности Веры Гангарт (о поэтике одного женского персонажа в повести А. Солженицына «Раковый корпус») [Текст] // Вестник РГУ. – 2013. – № 3 (40). – С. 89–96.
2. Быков, Д.Л. Наследник по прямой [Текст] // Огонек. – 2008. – № 33 (5059). – 17 авг.
3. Гаркавенко, О.В. Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007. – 18 с.
4. Лавренёв, П. Образ времени в творчестве А.И. Солженицына [Текст] // Между двумя юбилеями (1998–2003): писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына : альм. – М. : Русский путь, 2005. – С. 195–205.
5. Посадская, Л.А. Поэтика портрета в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/18198/posadskaja.pdf>
6. Решетовская, Н.А. Отлучение: из жизни Александра Солженицына: воспоминания жены [Текст]. – М. : Мир книги, 1994. – 368 с.
7. Сафронов, А.В. А.И. Солженицын и Рязанский край [Текст] // Рязанский край в контексте русской литературы: очерки регионального литературоведения / РГУ имени С.А. Есенина. – Рязань, 2017. – С. 172–185.
8. Сафронов, А.В. Любовный дискурс в «Раковом корпусе» А.И. Солженицына (рязанский период творчества) [Текст] // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. – 2015. – № 4/49. – С. 99–113.
9. Сафронов, А.В. «Путь» как жанр и «путь» как судьба (Александр Солженицын и герои «лагерной» прозы) [Текст] // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя) : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (16–17 декабря 2013 г.) / РГУ имени С.А. Есенина. – Рязань : Изд-во «Концепция», 2014. – С. 201–208.
10. Сафронов, А.В. Свободный человек из «Ракового корпуса» (образ Максима Чалого в повести А.И. Солженицына) [Текст] // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. – 2016. – № 1/22. – С. 104–108.
11. Солженицын, А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования [Текст]. – М., 1990. – Т. 3, ч. V, VI, VII.
12. Солженицын, А.И. Раковый корпус [Текст]. – М. : Астрель, 2011. – 508 с.
13. Темпест, Р. Американский Солженицын [Текст] // Первое сентября. – Литература. – 2008. – № 22. – 16/30 нояб.
14. Тихомирова, Е.С. Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына [Текст] // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 3. – С. 170–171.
15. Урманов, А.В. Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына [Текст] // Между двумя юбилеями (1998–2003). – М. : Русский путь. – 2005. – С. 371–384.
16. Donna Martin Просветленный. Как вы думаете, умер ли Костоготов в «Раковом корпусе» (А.И. Солженицын) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://otvet.mail.ru> > Искусство и Культура > Литература.

REFERENCES

1. Arkatova, A.E. Chudo duhovnosti Very Gangart (o poehtike odnogo zhenskogo personazha v povesti A. Solzhenicyna “Rakovyj korpus”) [Text] // Vestnik RGU. – 2013. – N 3 (40). – S. 89–96.
2. Bykov, D.L. Naslednik po pryamoj [Text] // Ogonek. – 2008. – N 33 (5059). – 17 avg.
3. Garkavenko, O.V. Hristianskie motivy v tvorchestve A.I. Solzhenicyna [Text] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Saratov, 2007. – 18 s.
4. Lavrenyov, P. Obraz vremeni v tvorchestve A.I. Solzhenicyna [Text] // Mezhdvu dvumya yubileyami (1998–2003): pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorchestve A.I. Solzhenicyna : al'm. – M. : Russkij put', 2005. – S. 195–205.
5. Posadskaya, L.A. Poehtika portreta v “Rakovom korpuse” A.I. Solzhenicyna [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/18198/posadskaja.pdf>
6. Reshetovskaya, N.A. Otluchenie: iz zhizni Aleksandra Solzhenicyna: vospominaniya zheny [Text]. – M. : Mir knigi, 1994. – 368 s.
7. Safronov, A.V. A.I. Solzhenicyn i Ryazanskij kraj [Text] // Ryazanskij kraj v kontekste russkoj literatury: ocherki regional'nogo literaturovedeniya / RGU imeni S.A. Esenina. – Ryazan', 2017. – S. 172–185.
8. Safronov, A.V. Lyubovnyj diskurs v “Rakovom korpuse” A.I. Solzhenicyna (ryazanskij period tvorchestva) [Text] // Vestnik RGU imeni S.A. Esenina. – 2015. – N 4/49. – S. 99–113.
9. Safronov, A.V. “Put” kak zhanr i “put” kak sud'ba (Aleksandr Solzhenicyn i geroi “lagernoj” prozy) [Text] // Nasledie A.I. Solzhenicyna v sovremennom kul'turnom prostranstve Rossii i zarubezh'ya (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (16–17 dekabrya 2013 g.) / RGU imeni S.A. Esenina. – Ryazan' : Izd-vo “Konceptiya”, 2014. – S. 201–208.
10. Safronov, A.V. Svobodnyj chelovek iz “Rakovogo korpusa” (obraz Maksima Chalogo v povesti A.I. Solzhenicyna) [Text] // Vestnik KGU imeni N.A. Nekrasova. – 2016. – N 1/22. – S. 104–108.

11. Solzhenitsyn, A.I. Arhipelag GULAG. Opyt hudozhestvennogo issledovaniya [Text]. – M., 1990. – T. 3, ch. V, VI, VII.
12. Solzhenitsyn, A.I. Rakovyj korpus [Text]. – M. : Astrel', 2011. – 508 s.
13. Tempest, R. Amerikanskij Solzhenitsyn [Text] // Pervoe sentyabrya. – Literatura. – 2008. – N 22. – 16/30 noyab.
14. Tihomirova, E.S. Hristianskie motivy v tvorchestve A.I. Solzhenitsyna [Text] // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – 2009. – N 3.– S. 170–171.
15. Urmanov, A.V. koncepciya Ehrosa v tvorchestve A. Solzhenitsyna [Text] // Mezhdru dvumya yubileyami (1998–2003). – M. : Russkij put'. – 2005. – S. 371–384.
16. Donna Martin Prosvetlennyj. Kak vy думаete, умер ли Kostoglotov v “Rakovom korpuse” (A.I. Solzhenitsyn) [Electronic resource]. – Mode of access : <https://otvet.mail.ru> › Iskusstvo i Kul'tura › Literatura.

A.V. Safronov

**A REBELLIOUS CHARACTER IN SEARCH OF LOVE AND FREEDOM:
THE IMAGE OF OLEG KOSTOGLOTOV
IN A.I. SOLZHENITSYN'S NOVEL “CANCER WARD”**

In his novel “Cancer Ward”, a prominent work of his Ryazan period, relying on facts and events of his life as well as on literary traditions and Gospel symbolism, A.I. Solzhenitsyn creates an autobiographical image of Oleg Kostoglotov. The character is controversial. He is shaped by the Soviet epoch, the war, and prison camps. He has acquired the features of a “proper” convict, but he is capable of moral resurrection, a spiritual rebellion against the totalitarian regime. In Kostoglotov's image, we can trace characteristic features of great mythological personages: Faust, Hamlet, Don Juan, and Don Quixote. A.I. Solzhenitsyn depicts the character's existential solitude, which is accounted for by the fact that his relatives perished in the wartime, his life is marred by prison camp and banishment, he is incurably ill. Only among those who have wrongly suffered, can Kostoglotov experience a sense of belonging to a greater, integral, unifying community. An important structural element of the novel is the final chapters, which depict the image of Kostoglotov, who is painstakingly waiting for the beginning of a new life, in a polyphonic and symbolic manner.

Solzhenitsyn, “Cancer Ward”, Ryazan period, literary tradition, mythological images, polyphony, existential solitude.